

хотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не внемля глаголу безумия, течет в порядке непрерывном» (II, 99).²⁶ Этот же образ времени и вечности — основа лучшего, по мнению Пушкина, поэтического произведения Радищева — «Осмнадцатого столетия»:

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов.

(I, 127)

В эту концепцию времени Радищев включает и человека.

Не случайно эпиграф к трактату «Настоящее чревато будущим», взятый из Лейбница, как бы концентрирует мысль о непрерывной связи времени. Тем самым понятие непрерывного совершенствования оказывалось несовместимым с идеей абсолютного уничтожения человека, гибели его сознания. Величие человеческой мысли становилось залогом ее бессмертия, ее божественной природы. «Возри на разум свой всеобъемлющий, — алтарь тебе готовлю: ты бог еси!» (I, 111), — восклицает Радищев, веря, что высшее проявление совершенства природы человека есть бессмертие его духа.

Радищеву оказываются чуждыми какие бы то ни были «формулы жизни», ибо он стремится постичь самую идею бытия, исходя из антитезы жизни и смерти, но не полагая эти категории антиномичными по природе. Как мыслитель, Радищев брал на себя задачу громадной сложности — преодолеть механистичность и метафизичность материалистического сознания, усвоенного им с юности. Но это преодоление стало для Радищева необходимостью, хотя, преломленное в его индивидуальном, личном мироощущении, оно выразилось в трагическом тоне трактата, в его эмоциональной насыщенности, в нотах глубокого отчаяния и в жажде обретения веры в бессмертие. Как и во всем своем творчестве, мерой ценности жизни и трагизма смерти Радищев делает человека, но не человека вообще, а индивидуализированное сознание личности. Именно в этом индивидуальном сознании Радищев раскрывает глубинный процесс «сцепления многих истин», показывает зарождение диалектики мысли и победы над трагически неразрешимой загадкой бытия. В заключительных строках трактата Радищев снова обращается к мысли, выраженной в эпиграфе, но уже не в общем ее содержании, а в личностном, индивидуальном: «Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если проживешь за предел дней твоих, и разрушение мысленности не будет

²⁶ Ср. публицистические очерки Н. М. Карамзина «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», созданные почти одновременно с трактатом Радищева. Образ времени определяет здесь философию истории человека: «Всякий век имеет свой особый, нравственный характер, — погружается в недра вечности и никогда уже не является на земле в другой раз» (Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1964, с. 258).